

УДК 111.1

Андрей Викторович Политов
соискатель Пермского государственного национального
исследовательского университета,
г. Пермь. E-mail: erikhczeren@yandex.ru

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ПОНЯТИЯ ХРОНОТОПА В ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЯХ А. УХТОМСКОГО И М. БАХТИНА

В статье исследованы основные теоретические положения о хронотопе известного российского мыслителя первой половины XX в. Алексея Алексеевича Ухтомского. Хронотоп – одно из наиболее перспективных понятий современной гуманитарной науки и философии, получившее известность во многом благодаря работам выдающегося отечественного философа Михаила Михайловича Бахтина. Согласно взглядам Ухтомского, хронотоп – это цельность пространства и времени. Представление о хронотопичности мира Ухтомский заимствует из концепции пространственно-временного континуума в квантовой механике и теории относительности. Основное положение статьи заключается в том, что понятие хронотопа обладает онтологическим значением, которое можно раскрыть, если интерпретировать хронотоп как пространственно-временную цельность материального существа. Возможность подобного онтологического истолкования хронотопа, по мнению автора статьи, основана на том, что сущность хронотопа совпадает с сущностью существа, каким его понимала классическая европейская метафизика: сущее – это прежде всего целое, единство всех свойств. Кроме этого, онтологическая трактовка хронотопа заключена и в том значении, которое придает этому понятию М. Бахтин. В его работах хронотоп выражает отдельный мир сюжетной линии романа, обладающий собственными уникальными свойствами, отличающими его от окружающего мира. В западной и отечественной философской традиции мы находим предпосылку для онтологической интерпретации понятия хронотопа, в которой он понимается как бытийно-смысловая цельность существа, а само сущее раскрывается как хронотоп.

Ключевые слова: хронотоп, Ухтомский, Бахтин, онтологическая интерпретация, российская философия, онтология, семантический мир.

Хронотоп – одно из самых известных и востребованных в научном словаре понятий. Выдающийся отечественный ученый и философ Алексей Алексеевич Ухтомский ввел данный термин в гуманитарную науку в своем докладе «О временно-пространственном комплексе, или хронотопе» [Ухтомский 2002d: 67-71]. В числе слушателей доклада был Михаил Михайлович Бахтин, благодаря работам которого «Формы времени и хронотопа в романе» [Бахтин 1986: 121-122] и «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» [Бахтин 1990: 455-459] термин хронотоп стал широко известен в науке.

Цель данной статьи – раскрыть возможность онтологической интерпретации понятия хронотопа, которая заложена в основных положениях Ухтомского и Бахтина. Под онтологической интерпретацией мы понимаем

такое истолкование хронотопа, в котором он становится универсальной категорией онтологии, описывающей любое сущее. В онтологической интерпретации мы переносим понятие хронотопа из гуманитарных наук в онтологию.

Чтобы осуществить намеченную цель, сначала опишем основные теоретические положения Ухтомского о хронотопе. Знаменитый ученый начинает свое исследование с того, что приводит замеченное им в лабораторных наблюдениях важное обстоятельство: восприятие организмом внешнего раздражителя всегда связано со временем (интервалом от появления раздражителя до его воздействия на организм) и пространством (расстоянием от организма до раздражителя) [Ухтомский 2002d: 67-68]. *Время до* воздействия раздражителя соединяется, таким образом, с *расстоянием до* него: «пространственные определения спаяны неразрывно с временем» [Ухтомский 1996: 275]. Это означает, что пространство и время образуют целое, не существуют отдельно друг от друга. Цельность пространства и времени Ухтомский определяет как хронотоп. Научные и философские идеи Ухтомского тесно сообщались с последними на тот период (20-е гг. XX в.) достижениями в области физики, связанными с именами Анри Пуанкаре, Германа Минковского, Альберта Эйнштейна и других ученых.

В классическом механицизме пространство и время изучались как два отдельных феномена, а мир в целом рассматривался в рамках евклидовой геометрии линейного пространства. Однако теория относительности А. Эйнштейна показала, что материальное тело, пространство и время неразрывно связаны, поскольку каждое сущее всегда занимает определенное место в пространстве и во времени. Сущее конституирует как пространство (поскольку является материальным объемным телом), так и время (в силу того, что существование и есть собственно временение). Таким образом, «окружающий нас мир представляет собой четырехмерный пространственно-временной континуум», пишет Эйнштейн [Эйнштейн 1965: 558]. До работ Эйнштейна соображения о глубокой связи пространства и времени высказывал А. Пуанкаре: «...абсолютного пространства не существует, мы знаем только относительные движения. ...Не существует абсолютного времени, ... абсолютное пространство, абсолютное время, даже сама геометрия не имеют характера вещей, обуславливающих собой механику» [Пуанкаре 1973: 23].

Ухтомский так оценивал произошедшую на его глазах революцию в физике: «...что более определенно и неизбежно в науке, чем механика? Но Минковский и Эйнштейн переинтегрировали самые коренные ее представления. И наиболее дерзновенное предсказание Эйнштейна состоит в том, что сам человеческий опыт, его основные интегральные образы и физиологическое восприятие форм могут быть изменены и преобразованы согласно с новыми концепциями пространства и времени» [Ухтомский 2002а: 66]. Критика Ухтомским классического механицизма во многом опирается на идеи квантовой механики и общей теории относительности,

которые были разработаны Эйнштейном, а также на представление о пространственно-временном континууме, понятие которого было введено в науку Минковским. Пространственно-временной континуум, согласно Минковскому, означает единство трех пространственных и четвертого временного измерений материального мира. Теоретическая параллель между понятием хронотопа у Ухтомского и четырехмерным пространством-временем у Минковского очевидна. Последний в работе «Пространство и время» указывал, что «отныне пространство само по себе и время само по себе должны обратиться в фикции и лишь некоторый вид соединения обоих должен еще сохранить самостоятельность» [Минковский 1973: 167]. На примере данного высказывания мы можем достаточно ясно убедиться, насколько близки точки зрения Ухтомского и Минковского в вопросе о взаимосвязи пространства и времени.

Кроме цельности пространства и времени, Ухтомский заимствует у Минковского и представление о так называемой мировой линии. Сам Минковский определял этот феномен следующим образом: «Пусть x, y, z будут прямоугольными координатами пространства и пусть t обозначает время. Предметом нашего восприятия всегда являются только места и времена, вместе взятые. Никто еще не наблюдал какого-либо места иначе, чем в некоторый момент времени, и какое-нибудь время иначе, чем в некотором месте. ... Я буду называть пространственную точку, рассматриваемую в какой-нибудь момент времени, то есть систему значений x, y, z , мировой точкой. Пусть многообразие всех мыслимых систем значений x, y, z называется миром. Я мог бы смело начертить мелом на доске четыре мировые оси, ... представим себе, что в каждом месте и в каждый момент времени имеется некоторый объект для наблюдения ... Я буду пользоваться словом «субстанция» для обозначения этого объекта. Обратим наше внимание на субстанциальную точку, имеющуюся в мировой точке x, y, z, t , и вообразим, что мы в состоянии снова узнать эту субстанциальную точку во всякое другое время. Пусть элементу времени dt соответствуют изменения dx, dy, dz пространственных координат этой субстанциальной точки. Мы получаем тогда в качестве изображения, так сказать, вечного жизненного пути субстанциальной точки некоторую кривую в мире, мировую линию, ... Весь мир представляется разложенным на такие мировые линии, и мне хотелось бы сразу отметить, что, по моему мнению, физические законы могли бы найти свое наисовершеннейшее выражение как взаимоотношения между этими мировыми линиями» [Минковский 1973: 168].

Представление Ухтомского о мировой линии близко к воззрениям основоположников теории относительности. Согласно Ухтомскому, единство пространства и времени приводит к цельности окружающего мира, в котором все происходящие события являются близко связанными и образуют единую причинно-следственную цепь (мировую линию): «... с точки зрения хронотопа, существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события; те зависимости (функции), в которых мы выражаем законы бытия, уже не отвлеченные кривые линии в пространстве,

а «мировые линии», которыми связываются давно прошедшие события с событиями данного мгновения, а через них – с событиями исчезающего вдали будущего» [Ухтомский 1996: 267]. Всеобщая взаимосвязанность событий в мировой линии не означает, что все происходящее абсолютно детерминировано. Ухтомскому как органицисту и космисту по духу мышления (что естественно для русской философской традиции) было чуждо подобное понимание причинно-следственного взаимодействия, которое характерно для классического европейского механицизма И. Ньютона и рационализма Р. Декарта.

В своих философских заметках Ухтомский подвергает критике механистическую систему, в которой мир состоит из множества автономных элементов, не образующих органического целого, но связанных между собой жесткими причинно-следственными цепями: «традиционная рационалистическая наука строилась искони на монархический лад, человеческий «*ratio*», рассудок, или разум, всегда солипсичен, всегда один и хочет быть один. Он хочет построить мир исходя из своих предпосылок и рассуждений, как будто бы не существовало никакого другого и не было разума, кроме него. Дать законченную в себе систему теорем не опирающихся ни на какие чужеродные предпосылки – вот вожделение и схоластического, и картезианского *ratio*, стремящегося быть принципиально один на один с собою.

«Система, более геометрическая, демонстративна» – вот тот идеал рационализма вплоть до Спинозы и до наших дней. Внеисторическое, замкнутое на себя на все века, самообеспечивающее знание, не зависящее от времени, стало быть абсолютное» [Ухтомский 2002e: 344]. Что касается собственно концепции мировой линии Ухтомского, то в данном случае следует говорить не об абсолютной предопределенности событий, но о мире как органическом единстве, мире как хронотопе. Именно такое целостно-космическое мироощущение было свойственно Ухтомскому как представителю отечественной философской парадигмы. Именно поэтому Ухтомский так критиковал западный рационализм и механицизм, считая их «узкими провинциализмами» в хронотопичной цельности мироздания [Ухтомский 1996: 271].

В собственную модель реальности Ухтомский включает структуру предвосхищения бытия, которая в классической европейской философской традиции обозначалась термином «*πρόληψις*» (*prolepsis*). Способность предвосхищения предстоящего времени (не путать с предсказанием будущего) изначально присуща человеку как одна из важнейших составляющих способа его бытия, «...опыт не есть простое отражение внешнего аффицирования чувственности. Он есть предвосхищение “действительности” нашим интеллектом», пишет В.Н. Железняк в монографии «Феноменология рациональной воли» [Железняк 1997: 42-43]. Аналогом структуры предвосхищения у М. Хайдеггера выступает набрасывание человеком собственной экзистенции на предстоящее время, пробрасывание человеческой самости вперед, набросок собственного бытия на будущее. «*Dasein*

как сущее набрасывает себя в направлении своей способности быть. ... Если Dasein в самом себе таит понимание, а временность делает возможным Dasein в его бытийном устройении, *временность* также должна быть *условием возможности понимания бытия* и вместе с тем (условием возможности) *наброска бытия в направлении времени*», говорит Хайдеггер в работе «Основные проблемы феноменологии» [Хайдеггер 2001: 370, 372].

Поскольку все происходящее в мире взаимосвязано, постольку человек обладает определенной способностью предвосхищать будущее, то есть, в терминах Ухтомского, ориентироваться в хронотопе. В связи со способностью предвосхищения бытия человеком Ухтомский выдвигает своего рода научно-фантастическую гипотезу: «если бы я обладал скоростью, превышающей скорость света, я смог бы видеть события будущего, вытекающие из сейчас переживаемого момента» [Ухтомский 1996: 267]. Однако он сразу же оговаривает, что подобное путешествие во времени представляется ему недостижимым. Обычный человек может предчувствовать лишь относительно близкие события, но гений, по Ухтомскому, отличается от остальных людей именно по глубине ориентации в хронотопе: гениальный человек способен предвосхитить далекое будущее исходя из более полного чем у остальных людей, понимания событий в настоящем. Все живые существа, считает Ухтомский, обладают способностью предвосхищения; чем более развито существо, тем лучше оно способно ориентироваться в хронотопе, предчувствовать событие [Ухтомский 2002d: 69]. Предвосхищение будущего влечет за собой его оценивание, имеющее своей целью установить, несет ли событие негативное или позитивное значение для организма. От данной предстоящему оценки зависят последующие действия живого существа.

Человек отличается от животного тем, что его поступки должны регулироваться критерием не только полезности, но и нравственности. На основании структуры ориентации человека в хронотопе Ухтомский создает свое собственное этическое учение: «ничто в нас не проходит бесследно. Отсюда вывод, что нам надо тщательно и бдительно работать над собой, все время дисциплинировать себя и свои мысли, держать себя все время под контролем» [Ухтомский 2002: 350]. Моральное поведение, по Ухтомскому, основывается на чутком, внимательном отношении к людям. Императив человеческого поведения, находящийся в основе этических воззрений Ухтомского, формулируется следующим образом: мы не можем знать будущее, но по опыту прошлого догадываемся, что каждый наш поступок оказывает влияние на нас самих и других людей. Следовательно, мы должны поступать в настоящем таким образом, чтобы наши действия имели минимально возможные негативные последствия в будущем: «может быть, уже в первый момент встречи предreshается то, откроются ли друг другу когда-нибудь эти встретившиеся люди и достигнут ли самого важного и драгоценного – общей жизни каждого в лице другого, или при самой тесной жизни вместе будут все более замыкаться каждый в своем солипсизме» [Ухтомский 2002e: 350-351].

Необходимо отметить, что этическое учение Ухтомского связано с его теорией доминанты, благодаря которой имя исследователя занимает значительное место в науке. Напомним, что доминанта – это активная установка, которая определяет действия, поступки и всю жизнь человека в целом: «в понятии доминанты скрывается та мысль, что организм человека представляет из себя более или менее определенный энергетический фонд, который расходуется в каждое мгновение преимущественно по определенному вектору и снимает с очереди другие возможные работы» [Ухтомский 2002с: 188]. По мысли Ухтомского, человек должен не просто совершать нравственные поступки, сделав в определенный момент сознательный выбор в их пользу, но обязан само моральное поведение превратить в *доминанту*: «нужно стать однажды на этот путь, поставить его решительно своей задачей, я бы теперь сказал, переключиться на эту определенную доминанту, а затем неуклонно воспитывать ее в себе, чтобы это пошло хоть в отдаленном будущем сравнительно гладко и легко» [Ухтомский 2002b: 149].

Этика человеческих поступков, выведенная Ухтомским из общей хронотопичности мира, обладает глубоким экзистенциальным значением, которое выдающийся мыслитель всегда подчеркивал: «всякое соприкосновение людей между собою страшно ответственно. Тут нет “мелочей” или “неважных деталей”. Малейший неправильный оттенок, допущенный при первой встрече, налагает неизгладимые последствия на дальнейшее общение тех же людей. Потом уже и не учесть, когда и в чем началось то, что портит и искажает дальнейшее!» [Ухтомский 2002е: 350]. Этическим воззрениям Ухтомского в целом присуще определенное пессимистическое и даже трагическое значение. Экзистенциально-этическим следствием завершается учение Ухтомского о хронотопе.

Чтобы обобщить значение философских идей Ухтомского о хронотопе, необходимо будет сравнить его концепцию с теорией хронотопа М.М. Бахтина, и для подобного сопоставления у нас будут все основания, поскольку сам Бахтин в работе «Формы времени и хронотопа в романе» отмечает, что он «присутствовал летом 1925 года на докладе А.А. Ухтомского о хронотопе в биологии; в докладе были затронуты и вопросы эстетики» [Бахтин 2012: 121]. Напомним, что Ухтомский понятие хронотопа изначально трактует *максимально широко*: «реальность – хронотоп ... Мы живем в хронотопе» [Ухтомский 2002d: 70]. Именно в трактовке области применения понятия хронотопа подход Бахтина существенно отличается от подхода Ухтомского. Различие между взглядами Бахтина и Ухтомского заключается в том, что Бахтин *сужает* сферу действия хронотопа, двигаясь в противоположном от заложенного Ухтомским направления развития данного понятия.

Если для Ухтомского хронотопичным являлся весь окружающий мир, то Бахтин обозначает термином «хронотоп» *отдельный* от окружающего мира *специфический* мир литературного произведения: примеры пересечений пространственных и временных рядов («встреча», «разлука»),

«дорога», «чужой мир», «замок», «гостиная-салон», «городок») даны им в нарочито упрощенной и отвлеченной форме. Нам важно ввести одно понятие, для чего и понадобились эти предварительные характеристики. Во всех разобранных случаях имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем.

Термин, который мы применяем к такого рода явлениям, – хронотоп, что значит в дословном переводе «времяпространство» (или «пространствовремя»). Термин этот употребляется в математическом естествознании и был введен и обоснован на почве теории относительности (Эйнштейна). Для нас не важен тот специальный смысл, который он имеет в теории относительности. Мы перенесем его в литературоведение почти как метафору (почти, но не совсем). Нам важно выражение в нем неразрывности пространства и времени (время как четвертое измерение пространства). Эту неразрывность мы и находим во «встрече», в «дороге», «замке» и пр. [Бахтин 2003: 287-288].

Мы не имеем в виду, что Бахтин в своей теории выступает против основных положений Ухтомского о хронотопе. Как видно из приведенного выше текста, Бахтин полностью сохраняет изначальный смысл хронотопа как цельности пространства и времени. Отличие хронотопа от окружающего мира у Бахтина происходит из топографичности (можно даже сказать, архетипичности) данного понятия. Хронотоп всегда обозначает определенную сферу, конкретное место в цельности его смысловых и исторических изменений, изучение пространственно-временной топографии (хронотопа) мира в литературе. Основные значащие места этой топографии. Художественное значение человек, его поступок, его слово и его жест приобретают только тогда, когда он находится в одном из этих мест. За всяким реальным бытовым местом должно просвечивать его топографическое место, чтобы оно могло стать ареной существенного художественно-значимого события. Оно должно быть вписано в топографическое пространство, «должно быть соотнесено с координатами мира ... В игру вовлекается весь мир» [Бахтин 2012: 110].

Место действия сюжета как пространственный феномен, время как история развития сюжета и цельность данных феноменов – эти три составляющие образуют ключевое значение понятия хронотопа, которое мы обнаруживаем у Бахтина: хронотоп – это самостоятельный *мир*, обособленный от окружающего мира и наделенный своей собственной спецификой, которая выделяет мир хронотопа на фоне мира вообще. Такое понимание хронотопа берет основание в его сущности как архитектоники реального мира событий. У Михаила Михайловича Бахтина речь идет о первичной, нравственно-безысходной ориентации «в “события бытия”, там такую средю (по более поздней терминологии – “хронотопом”) является

“действительная архитектоника переживаемого мира жизни”» [Бахтин 2003: 528].

Главной причиной того, что у Бахтина хронотоп выступает в качестве самостоятельного мира, в котором развиваются события, описываемые в литературном произведении, является то, что мир хронотопа выступает *осуществлением* сюжета: «в чем значение разобранных нами хронотопов? Прежде всего бросается в глаза их высокое сюжетное значение. Они являются организационными центрами основных сюжетных событий романа. В хронотопах завязываются и развязываются сюжетные узлы. Можно прямо сказать, что им принадлежит основное сюжетообразующее значение. С другой стороны, бросается в глаза изобразительное значение хронотопов. Время приобретает в них чувственно-наглядный характер.

Сюжетные события в хронотопе конкретизируются, обрастают плотью, наполняются кровью. О событиях можно сообщить, осведомить, можно при этом дать точные указания о месте и времени их свершения. Но событие не становится образом. Хронотоп же дает существенную почву для показа-изображения событий. И это именно благодаря особому сгущению и конкретизации примет времени – времени человеческой жизни, исторического времени на определенных участках пространства. Это и создает возможность строить изображение событий в хронотопе (вокруг хронотопа). Он служит преимущественно точкой для развертывания «сцен» в романе, в то время как другие «связующие» события, стоящие вдали от хронотопа, передаются в форме сухого осведомления и сообщения. «Хронотоп как преимущественная материализация времени в пространстве является центром изобразительной конкретизации, воплощения для всего романа» [Бахтин 2012: 288-289].

Почему хронотоп выступает осуществлением собственного мира сюжета? Потому что сущее по способу своего бытия нуждается в мире как таковом, в пространственно-временной цельности, со-разделенной между всеми сущими. «Если титул реальность подразумевает бытие внутримирно наличного сущего (res), а ничего иного под ним не понимают, то для анализа его бытийного модуса это значит: внутримирное сущее онтологически может быть понято только если прояснен феномен внутримирности. А последняя основана в феномене мира», – указывает Хайдеггер в фундаментальном трактате «Бытие и время» [Хайдеггер 1997: 209]. В рукописном наследии Бахтина и в комментариях к его произведениям, опубликованных в цитируемом нами в собрании сочинений (выходившем в 1997–2012 гг.), мы можем обнаружить достаточное количество подтверждений сформулированного автором данной статьи определения хронотопа как самостоятельного мира, отдельной сферы реальности.

Перечислим в качестве примеров наиболее значимые отрывки из работ Бахтина. «Задача Рабле – очищение пространственно-временного мира от разлагающих его моментов потустороннего мировоззрения, от символических и иерархических осмысливаний этого мира по вертикали ... Эта полемическая задача сочетается у Рабле с положительной – воссоздание

адекватного пространственно-временного мира как нового хронотопа для нового гармонического цельного человека и новых форм человеческого общения» [Бахтин 2010: 626-627]. «Разные хронотопы спрашивающего и отвечающего (и разные смысловые миры (“я” и “другой”). Вопрос и ответ с точки зрения «третьего» сознания и его «нейтрального» мира, где все заменимо, неизбежно деперсонифицируются» [Бахтин 2002: 433]. «Игра с отрицанием в образе Немо не была лишена и некоторого утопического момента ... При всем отличии этого типа игры отрицанием от разобранный нами ранее хронотопической формы его (обратный мир, мир наизнанку) имеется у них и существенная общность функций. Образ Немо оказывается воплощенным “наоборот” миру ограниченных человеческих возможностей ... Иногда бывает трудно провести границу между пространственно-временной, хронотопической обратностью и игрой отрицанием (то есть смысловым наоборот): одно непосредственно переходит в другое ... И игра отрицанием, и его хронотопическое выражение одинаково служат объединению в одном образе старого и нового, умирающего и рождающегося. Оба явления служат выражением для двутелого целого мира» [Бахтин 2010: 444-445].

Для большей ясности обрисованной нами траектории развития понятия хронотопа сформулируем ее еще раз в кратких определениях.

1. Хронотоп – это целое пространства и времени. Реальность хронотопична (Ухтомский).

2. Хронотоп – это целое пространства и времени сюжетной линии романа (Бахтин).

3. Хронотоп – это архетип конкретного места действия сюжета, объединяющий в себе пространство (собственно место развития повествования) и время (само действие сюжета, внутреннее время романа) (Бахтин).

4. Хронотоп – это отдельная сфера реальности, самостоятельный мир, в котором осуществляется сюжет литературного произведения (Бахтин)

Наконец, последнее добавление к понятию хронотопа как самостоятельного мира со своей уникальной спецификой, отличающей его от окружающего мира, мы можем сделать, если укажем на *собственную сущность* мира хронотопа. До сих пор мы описывали лишь определения мира хронотопа (обособленный от окружающего мира, обладающий собственными качествами), но ничего не говорили о том, каков мир хронотопа *по способу своего бытия*. По нашему мнению, мир хронотопа – это *семантический (смысловой) мир*. Хронотоп, согласно концепции автора данной статьи, предстает как *семантический мир сущего*.

В философских заметках А.А. Ухтомского хронотоп становится универсальным понятием для всех наук, и необходимо отметить, что ученый видел в хронотопе точку возможного соединения гуманитарного и естественнонаучного знания. Стоит также указать, что при максимальной широте понимания хронотопа у Ухтомского данный феномен не выступает в качестве собственно категории онтологии. Поэтому нам представляется, что возможность онтологической интерпретации понятия хронотопа,

поскольку она не была осуществлена прежде, достаточно обоснована и очевидна. Из чего исходит намеченное нами истолкование хронотопа как онтологического понятия? Мы должны обратить внимание на то, что хронотоп – это прежде всего *целое*. Сущность хронотопа – не время и пространство как два отдельных феномена, образующих единство, но *само целое как таковое*.

Необходимо далее задаться вопросом: чем в классической европейской метафизике характеризуется сущее, в чем состоит его сущность? Наиболее фундаментальным и адекватным мы считаем то представление, в котором сущее рассматривается в своей самости, в своей несводимой ни на что другое индивидуальности. Одним из наиболее выдающихся метафизиков, размышляющим о сущности сущего, был создатель фундаментальной онтологии М. Хайдеггер: «Существенное мышление представляет собой некое знание. Это знание таково, что знаемое им оказывается в ракурсе его взора. Оказавшись в перспективе этого взора, сущее (то *δν*) предстает как *ή δν*, то есть данный взор представляет собой взирание на сущее как таковое ... сущее есть сущее благодаря тому и только тому, что оно “есть”, то есть благодаря “бытию”» [Хайдеггер 2011: 79]. Сущность сущего есть *целое*, указывал великий мыслитель, последний представитель русской философской традиции А.Ф. Лосев: «сад не есть бытие ни теоретическое, ни практическое..., сад есть сад..., сад выше всякого отдельного предиката» [Лосев 2007: 186]. При сравнении сущности хронотопа и сущего мы обнаруживаем ключевое для нашего исследования сходство между ними: хронотоп и сущее совпадают в том, что они оба есть *целое*.

Онтологическая интерпретация понятия хронотопа должна состоять, следовательно, в раскрытии каждого сущего как целого, *в раскрытии сущего как хронотопа*. В свою очередь, хронотоп в онтологическом истолковании раскрывается как *сущность сущего*, цельность его пространственных и временных характеристик. В таком случае хронотоп становится универсальной категорией онтологии, поскольку область его применения распространяется на любой вид сущего. Мы должны отметить, что подобная онтологическая интерпретация хронотопа, которая является целью философских исследований автора данной статьи, становится возможной только благодаря особенностям, заложенным в понятии хронотопа его основателями А.А. Ухтомским и М.М. Бахтиным. Онтологическая интерпретация понятия хронотопа выстраивается как двуединый процесс раскрытия сущего в качестве хронотопа и раскрытия хронотопа как сущности сущего. Задача осуществления самой онтологической интерпретации понятия хронотопа в виде целостной философской концепции выходит за рамки статьи и нуждается в отдельном исследовании, которое, однако, было бы невозможно без того изучения основных положений о хронотопе Ухтомского и Бахтина, которое было проведено в данной работе.

Материал поступил в редколлегию 15.04.2014 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бахтин М.М. 1986. Формы времени и хронотопа в романе // М. Бахтин. Литературно-критические статьи. М. : Худож. лит. С. 234-407.
- Бахтин М.М. 1990. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Изд. 2-е. М. : Худож. лит. 543 с.
- Бахтин М.М. 1997. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940–1960 гг. М. : Рус. слов. : Яз. славян. культур. 732 с.
- Бахтин М.М. 2002. Собрание сочинений. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970 гг. М. : Яз. славян. культур. 800 с.
- Бахтин М.М. 2003. Собрание сочинений. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М. : Яз. славян. культур. 957 с.
- Бахтин М.М. 2010. Собрание сочинений. Т. 4(2). Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса (1965); Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) (1940, 1970); Комментарии и приложение. М. : Яз. славян. культур. 752 с.
- Бахтин М.М. 2012. Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). М. : Яз. славян. культур. 880 с.
- Железняк В.Н. 1997. Феноменология рациональной воли. Пермь : Перм. гос. тех. ун-т. 170 с.
- Лосев А.Ф. 2007. Алексей Федорович Лосев: из творческого наследия: современники о мыслителе. М. : Рус. мир. 776 с. (Рус. мир в лицах).
- Минковский Г. 1973. Пространство и время // Принцип относительности : сб. работ по специальной теории относительности / сост. А.А. Тяпкин. М. : Атомиздат. С. 167-179.
- Пуанкаре А. 1973. О принципе относительности пространства и движения // Принцип относительности : сб. работ по специальной теории относительности / сост. А.А. Тяпкин. М. : Атомиздат. С. 22-27.
- Ухтомский А.А. 1996. Заслуженный собеседник : Письма к Е.И. Бронштейн-Шур // А. Ухтомский. Интуиция совести : Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб. : Петербург. писатель. С. 248-309.
- Ухтомский А.А. 2002а. Доминанта и интегральный образ // А. Ухтомский. Доминанта. СПб. : Питер. С. 52-66.
- Ухтомский А.А. 2002б. Доминанта как фактор поведения // А. Ухтомский. Доминанта. СПб. : Питер. С. 113-150.
- Ухтомский А.А. 2002с. О доминанте // А. Ухтомский. Доминанта. СПб. : Питер. С. 185-189.
- Ухтомский А.А. 2002д. О хронотопе // А. Ухтомский. Доминанта. СПб. : Питер. С. 67-71.
- Ухтомский А.А. 2002е. От Двойника к Собеседнику // А. Ухтомский. Доминанта. СПб. : Питер. С. 335-391.
- Хайдеггер М. 1997. Бытие и время. М. : Ad Marginem. 461 с.
- Хайдеггер М. 2001. Основные проблемы феноменологии. СПб. : Высш. религиозно-филос. шк. 456 с.
- Хайдеггер М. 2011. Гераклит. СПб. : Владимир Даль. 515 с.
- Эйнштейн А. 1965. О специальной и общей теории относительности // А. Эйнштейн. Собрание научных трудов. М. : Наука. Т. 1. С. 530-600.

References

- Bahtin M.M. *Sobranie sochinenij. T. 1. Filosofskaja jestetika 1920-h godov* [Collected works, vol. 1, Philosophical aesthetics of the 1920], Moscow, Jaz. clavjan. kul'tur, 2003, 957 p. (in Russ.).
- Bahtin M.M. *Sobranie sochinenij. T. 3. Teorija romana (1930–1961 gg.)* [Collected works, vol. 3, Theory of the novel (1930–1961 years)], Moscow, Jaz. clavjan. kul'tur, 2012, 880 p. (in Russ.).

Bahtin M.M. *Sobranie sochinenij. T. 4(2). Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa (1965); Rable i Gogol' (Iskusstvo slova i narodnaja smehovaja kul'tura) (1940, 1970); Kommentarii i prilozhenie* [Collected works, vol. 4 (2), Creativity Francois Rabelais and folk culture of the middle ages and the Renaissance (1965), Rabelais and Gogol (the Art of word and the people's laughter culture) (1940, 1970), Comments and application], Moscow, Jaz. slavjan. kul'tur, 2010, 752 p. (in Russ.).

Bahtin M.M. *Sobranie sochinenij. T. 5. Raboty 1940–1960 gg.* [Collected works, vol. 5, Works 1940–1960's], Moscow, Rus. slov., Jaz. slavjan. kul'tur, 1997, 732 p. (in Russ.).

Bahtin M.M. *Sobranie sochinenij. T. 6. Problemy pojetiki Dostojevskogo. Raboty 1960–1970 gg.* [Collected works, vol. 6, Problems of Dostoevsky's poetics, Works 1960–1970], Moscow, Jaz. slavjan. kul'tur, 2002, 800 p. (in Russ.).

Bahtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa* [Creativity Francois Rabelais and folk culture of the middle ages and Renaissance, 2nd ed.], Moscow, Hudozh. lit., 1990, 543 p. (in Russ.).

Bahtin M.M. *Formy vremeni i hronotopa v romane* [Forms of time and of the chronotope in the novel], *M. Bahtin. Literaturno-kriticheskie stat'i*, Moscow, Hudozh. lit., 1986, pp. 234-407. (in Russ.).

Zheleznyak V.N. *Fenomenologija racional'noj voli* [Phenomenology of rational will], Perm, Perm. gos. teh. un-t, 1997, 170 p. (in Russ.).

Losev A.F. *Aleksej Fedorovich Losev: iz tvorcheskogo nasledija: sovremenniki o myslitеле* [Alexei F. Losev: from the creative heritage: the contemporaries about the thinker], Moscow, Rus. mir, 2007, 776 p. (in Russ.).

Minkovskij G. *Prostranstvo i vremja* [Space and time], *A.A. Tjapkin (comp.), Princip otositel'nosti : sb. rabot po special'noj teorii otositel'nosti*, Moscow, Atomizdat, 1973, pp. 167-179. (in Russ.).

Poincare H. *O principe otositel'nosti prostranstva i dvizhenija* [On the principle of relativity of space and movement], *A.A. Tjapkin (comp.), Princip otositel'nosti : sb. rabot po special'noj teorii otositel'nosti*, Moscow, Atomizdat, 1973, pp. 22-27. (in Russ.).

Uhtomskij A.A. *Dominanta i integral'nyj obraz* [Dominant and integral image], *A. Uhtomskij, Dominanta*, St. Petersburg, Piter, 2002, pp. 52-66. (in Russ.).

Uhtomskij A.A. *Dominanta kak faktor povedenija* [Dominant as a factor of the behavior], *A. Uhtomskij, Dominanta*, St. Petersburg, Piter, 2002, pp. 113-150. (in Russ.).

Uhtomskij A.A. *O dominante* [On the dominant], *A. Uhtomskij, Dominanta*, St. Petersburg, Piter, 2002, pp. 185-189. (in Russ.).

Uhtomskij A.A. *O hronotope* [On the chronotope], *A. Uhtomskij, Dominanta*, St. Petersburg, Piter, 2002, pp. 67-71. (in Russ.).

Uhtomskij A.A. *Ot Dvojnika k Sobesedniku* [From a Yard-keeper to Interlocutor], *A. Uhtomskij, Dominanta*, St. Petersburg, Piter, 2002, pp. 335-391. (in Russ.).

Uhtomskij A. *Zasluzhennyj sobesednik : Pis'ma k E.I. Bronshtejn-Shur* [Honored interlocutor. Letters to E.I. Bronstein-Shur], *A. Uhtomskij, Intuicija sovesti : Pis'ma. Zapisnye knizhki. Zametki na poljah*, St. Petersburg, Peterburg. pisatel', 1996, pp. 248-309. (in Russ.).

Heidegger M. *Bytie i vremja* [Being and time], Moscow, Ad Marginem, 1997, 461 p. (in Russ.).

Heidegger M. *Geraklit* [Heraclitus], St. Petersburg, Vladimir Dal', 2011, 515 p. (in Russ.).

Heidegger M. *Osnovnye problemy fenomenologii* [The Main problems of phenomenology], St. Petersburg, Vyssh. religiozno-filos. shk., 2001, 456 p. (in Russ.).

Einstein A. *O special'noj i obshhej teorii otositel'nosti* [On the special and General theory of relativity], *A. Jejnshtejn, Sobranie nauchnyh trudov*, Moscow, Nauka, 1965, vol. 1, pp. 530-600. (in Russ.).

Andrei V. Politov, competitor for an academic degree, Perm State University, Perm.
E-mail: erikhczeren@yandex.ru

**ONTOLOGICAL MEANING OF CONCEPT OF CHRONOTOPE
IN PHILOSOPHICAL IDEAS OF ALEXEI UKHTOMSKY
AND MIKHAIL BAKHTIN**

Abstract: The article examines theoretical provisions on the chronotope made by the well-known Russian philosopher of the first half of the twentieth century Alexei Ukhomsky. Chronotope is one of the most promising concepts in modern humanities and philosophy. The concept became famous due to the works of the outstanding Russian philosopher Mikhail Bakhtin. According to the opinion of Ukhomsky, chronotope is the wholeness of space and time. The idea of the chronotopical world was borrowed from the concept of space-time continuum in quantum mechanics and relativity theory. The main thesis of the article is that the concept of chronotope has ontological value that could be revealed through the interpretation of the chronotope as spatio-temporal integrity of material things. According to the author, the possibility of such ontological interpretation is based on the fact that the essence of the chronotope coincides with the essence of things as it is understood by the classic European metaphysics: thing is primarily a wholeness, the unity of all its properties. In addition, the ontological interpretation of the chronotope is based on the meaning given to this concept by M. Bakhtin. In his works, the chronotope expresses a separate world of the storyline of the novel with its own unique characteristics, which distinguish it from the outside world. In the Western and Russian philosophical tradition, we find a prerequisite for the ontological interpretation of the concept of chronotope where it refers to the existential-semantic integrity of things, and the thing is revealed as the chronotope.

Keywords: chronotope, Ukhomsky, Bakhtin, ontological interpretation, Russian philosophy, ontology, semantic world.